

наружили в Синодике царя Борила. В своей работе о мартовском стиле в южнославянской хронологии (десять лет назад) я повторил воззрение русских палеографов, якобы эта система пришла к славянам из Греции через пасхалию. Сейчас для меня ясно, что она была принята балканскими славянами из России в конце XII и в начале XIII в. и что это заимствование стоит в естественной связи с аналогичными фактами в ряде других областей культуры. Как я указывал в статье о мартовском стиле, практика датировки официальных актов системой с мартовским началом года в Сербии уступила место сентябрьской системе в середине XIV в., в эпоху создания Душаковой империи сербов и греков, но и после этого мартовская датировка встречается иногда в записях и в некоторых официальных актах.

Возвращаясь к литературным памятникам, которые перешли из древней Руси на Балканы, напомним и несколько дополним список М. Н. Сперанского. Наряду с рукописями св. Писания и литургическими, которые, очевидно, были самыми многочисленными благодаря потребностям возрождавшихся южнославянских национальных церквей, здесь находим: каноническую литературу — Кормчую, русский текст которой был отредактирован и пополнен в согласии с новой византийской канонической литературой; Синодик в неделю православия, вероятно, в русской переделке первоначального болгарского Синодика эпохи пресвитера Козмы, которая должна была послужить созданию новых редакций, сербской и болгарской; «Книги Законные»; русские переводы греческих монастырских типиков; «Канонические ответы» русского митрополита Иоанна II (1080—1089); русский список первого болгарского перевода «апостольских уставов, како подобает жити христианину»; памятники церковного ораторского искусства, как Иларионово Слово о законе и благодати с похвалой кагану Владимиру; полемические творения, как Слово о вере варяжской инока Феодосия; поучительно-аскетическую литературу — Иларионово «Наказание к отрекшимся от мира или послание к брату столпнику», «Притчи» Кирилла Туровского и, вероятно, различные сборники проповедей, некогда перешедшие на Русь через болгарские и македонские переводы; житийные произведения — Несторово житие св. Феодосия, сказания о св. Николе, Пролог с русскими житиями, связанные с ним службы, как служба свв. Борису и Глебу, составленная русским митрополитом Иоанном I; дидактические сборники, как «Пчела»; историческую литературу — Историческую Палею; светские литературные произведения, как Повесть об Акире Премудром, «Моностихи» Менаандра и, вероятно, еще многое из того, что некогда древняя Русь приняла из литературных сокровищ эпохи Симеона Великого. До сих пор еще не обнаружены следы знакомства славянских Балкан с русскими летописями, Поучением Владимира Мономаха и Словом о полку Игореве. Аналогичный факт из области светских жанров мы подчеркнули в главе о переходе древнеболгарских и македонских памятников в русскую письменность XI столетия. Видимо, выбор оригиналов для переписывания диктовался практическими потребностями болгарской и сербской церкви в годы организации их самостоятельной канонической жизни. Но не исключено, что когда-нибудь найдется след знакомства с этими произведениями в болгарской и сербской литературе. В этих вопросах всегда встает пример Слова о полку Игореве, которое дошло от древности в единственной старой рукописи, погибшей в Москве в 1812 г. Нужно думать, что, в отличие от церковных книг, которые хранились в монастырях, светские произведения преимущественно попадали в библиотеки государей и феодалов, где погибали вместе с средневековыми дворцами и замками. Во всяком случае те русские литератур-